

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Четверг, 5 мая 1988 г. № 54 (6466)

Газета Центрального Комитета КПСС

ЦЕНА 6 КОП.

У газетного стендада

Читателем газет я стал гораздо раньше, чем подпишился. Я читал их на улице, кипящими кляйстором на фанерные щиты, одну за другой, переминавшись с ноги на ногу от мороза или щуря глаза от иккисского солнца. Скажу откровенно: интересовали меня более всего футбольные и хоккейные матчи, которые в те достопамятные годы на фоне общей суровой сюжетной стилистики отличались некоторой легкостью слога. Смысла своего времени, портреты которых были для меня карикатуры на международные темы, прадидаки им отводилось много газетной площади: даже Сашу с хищным носом и азой колючей бородкой, похожим на Пинквина Джону Булло, различными маркетками с топорами и винтиками в руках, кризису, замутненному в черный плащ приближавшемуся к западным столицам... Это было наглядной политиграммой моего поколения, зриющей его мифология.

Как-то так случилось, что созерцание портретов и карикатур одарило меня самым первым в жизни чувством всемирности. Физически я находился в обширнейшем своем переплете под стенной выставкой кулического дома, на которой была выставлена «Книга ли не вся тогдашняя центральная пресса, душа же мои совершило реально пребывала в то самое время в самых разных точках земли». В Каракумах на строительстве Великого Турукменского канала, на корейской земле, над которой, подобно стервятникам, круились американские «летающие крепости», на юге Франции, где девушка по имени Раймонда Дьен лежала на рельсах, чтобы преградить путь эшелону с танками и пушками.

Смешно вспоминать о себе как об одиннадцатилетнем политите с щипками на руках. Но никак не денешься, именно там все и началось, вслед газетного уличного щита — и чувство причастности и тому, что происходит на свете, и робкая начальне догадка, что происходит не совсем, а порой и совсем не так, как от этого сказано в газетных стоках.

Читать между строк я тоже научился на улице. И благодаря судьбе, что частое в те годы несомнение реальности с газетами ее отражением не отстранило меня от печатного слова. Даже наоборот, пробуждало в душе что-то

подобное публицистическому задору, желание возражать, спорить, опровергать, приводить резоны и аргументы. Честно говоря, не надеялся, что придет время, когда этим резонам может быть предоставлено место на газетной странице.

Теперь, как в детстве, я каждый день стою перед газетным стендом. На все газеты не поднешься, а пропустить не хочется ни одной. То и дело, то ложком, то лопаткой чувствую соседа, народ толпится, народ не пребывает рассеянно глазами по заголовкам бесконечного поиске уголовной или судебной хроники, народ читает — вдумчиво, обстоятельно, пренебрегая превратностями погоды, ненасытно пользуясь благими переменами общественного или мата.

То, что раньше представлялось мне сугубо отвлечено — непосредственная связь печатных столбцов с состоянием общества, — устанавливается буквально на глазах. Своими глазами вижу, что люди ищут не просто новостей, не сенсационных разоблачений, в мыслях, мнении, идеях. Их нехватка, их искусственно созданная недостача, нам и явная несуразность некоторых из них, насыкают нам утом покушен товарного дефицита. Поэтому не пускают меня аргументы скептиков, указывающих недорванным перстом в знакомые до боли очертания терпеливых очедей. Материальное изобилие начинается с изобилия идей. Свобода и смелость слова неизменно приводят к свободе от магазинной толкотни и давки, от распределительной супоты и сумятицы, от унизительной зависимости от спекулянта, от вечной закономерности неудовлетворенного потребителя.

Том читательских писем — в тех, что лежат на моем редакционном столе, и тех, что сделались фактом общественной жизни на страницах прессы, — побуждает меня верить в это. Прежде он отличался жалостливо-пессимистичными потоками, читатели обращались в газету за помощью и сами в ее возможность зачастую неслись не слишком и верили.

Но скажу, что наше из писем дают оптимизм, — нет, и горечи, и гнева, и обычной раздраженности в них вполне хватает, однако все чаще это заметки, записки, послания не винтов, не робких обывателей — свободных людей. То есть людей, считающих себя вполне судить об

всем, что происходит в их городе, в их ведомстве и в целой стране, и непросто судить, но и высказывать эти суммы со всей прямотой настоящих граждан и патриотов.

Все более овладевает общественным сознанием тот очевидный факт, что патриотизм заключается отнюдь не в желании все события и явления отечественной истории объявлять грандиозными победами, а гражданственность состоит не в одном лишь умении воспевать успехи.

Знать правду, уметь говорить правду в любой обстановке, смеяться поступать по правде в любых обстоятельствах — вот позиция гражданства и патриота. Рад, что в современных статьях и очерках она не просто декларируется, но обосновывается конкретными фактами.

Дело пишущего — его слово. Слова в наши дни тяжелейют, наполняются весомым, земным, хлебобраским, заводским содержанием, обретают свой изначальный реальный смысл. Гласность не нуждается в излишних метафорах, это показуха требует юбилейно-застольной изукрашенности речи.

Откровенно говоря, я пору безудержного ее цветения я уже не слишком верил в то, что скрома когда-нибудь откажется от привычки растворять мысли в золотых оканчивающихся. Ну, разрешат вам говорить что хотите, упрекали нас тогда, а вам и сказать-то будет нечего. И я сам этого боился. И счастлив, что страхи эти оказались беспочвенными.

Ибо не случайно толпится народ у газетного стендада. Не скандалом он привлеччен, не «фокой в кармане», не шуткой со скрытым намеком. В столбцах репортажей и корреспонденций он узнает самого себя, свои проблемы, свою надежду и заботы, свои мысли, в которых он самому себе порой не отдавал отчета. Он радуется, он негодует, он раздражается, он думает.

«Вся наша надежда поконится на тех, кто сам себя корчит» — эта революционная заповедь со времен монументальной пропаганды запечатлена на стене старого московского дома. Хочется добавить: и на тех, кто сам за себя думает. И за всю страну.

Ан. МАКАРОВ.

5 МАЯ—ДЕНЬ ПЕЧАТИ

Они не раз встречались в жизни, но, пожалуй, впервые сочтены на газетной полосе сегодня: Александр Твардовский, Михаил Шолохов и Евгений Петров, Сергей Борисенко, Константин Симонов, Илья Эренбург и Евгений Долматовский. Не судите строго за качество этих снимков, ведь им без малого полстолетия, да и сделаны они были не в фотографии, а на перекрестках фронтовых дорог.

«Золотые первы нашей страны» — так называл народ этих известных писателей еще до того страшного июня 1941 года. Сердце патриотов всегда было близко к их сердцам. Именно поэтому умер на следующий день после начала войны все эти люди собрались в Главном политическом управлении Красной Армии, откуда, получив назначение, отбыли на разные участки фронта. Впрочем, эти шесть человек были лишь незначительной частью того отряда журналистов, кому предстояло отныне разделываться с армией и горечью поражений, и радостью побед. Не всем из

С «ЛЕЙКОЙ» И БЛОКНОТОМ

● 1941 год. Александр Твардовский перед поездкой на фронт. ● 1941 год. Михаил Шолохов и Евгений Петров на Западном фронте. ● 1945 год. Илья Эренбург и Константина Симонова на Смоленском направлении. ● 1945 год. Илья Эренбург и Константина Симонова на фронте в Белом доме.

иначе суждено было доминировать светлого маяка для сорок летнего. Не один десяток фронтовых газетников пали на полях Великой Отечественной, до конца исполнив журналистский долг.

Поэт Юрий Чернов был одним из них. У нас нет его фотографии, но есть стихи, которые он написал в первые недели боев и посыпал своим соратникам по полу:

Мы спешим в танки громоздящиеся,
На машине с погонами мимо
На передний край,
Где дым погорница
Стало среди взрывовных
Фронтов.
От ИП пошли мы
Под разрывами
В полутора бландинатых
Чувствовали мы себя
Счастливыми
Средь героев будущих
Старых...
Мы брели в грязи распыщенных
Вспышек,
Морозы под обстреливаемый
Фронт.
И газета наша двухполосная
Летопись стала фронтовой.
И не зря первое и штабную
Гвардейскую
Приправила на фронт стране,
Сиреновыми газетами.
И впереди — армейскому

Как было, в чистой начальной
На вторую орден.

Но, было, в чистой начальной
На вторую орден.

На кротких откосах партеров
Падали в боях моя товарищи,
Скорчные репортеры
не дописав.

И тогда наборщики
Скакунчили, забывчивые,

Разбросав пачки сада,
Набирали кровью обагренные,

Порхом пропахшие слова...

Приятельство, любовь, счастье...

ПЕРЕСТРОЙКА: ОБРАЗ

КОНФЕРЕНЦИЯ ИСТОРИКОВ И ПИСАТЕЛЕЙ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

Никогда еще вопросы истории и литературы не имели такого актуального, можно сказать, социального значения, как в наши дни революционного обновления нашего общества. Историки и писатели обращают сегодня свои взоры к основным этапам прошлого нашей Родины для того, чтобы вывернуть дорогу в будущее. Обединить силы и скоординировать их на этом пути — такова цель открывшейся в Москве 27 апреля научной конференции, организованной Академией наук СССР, Союзом писателей СССР и Академией общественных наук при ЦК КПСС.

В работе конференции приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. Яковлев, заведующий отделом ЦК КПСС Ю. П. Воронов и В. А. Григорьев.

Конференцию открыл первый секретарь правления Союза писателей СССР В. Карпов. Задача нравственного и духовного оздоровления общества, задача сознательного, активного участия каждого человека в создании новых процессов жизни, подчеркнул он, никак может быть решена без объединения всех интеллигентских сил — науки, литературы, искусства. Важная воспитательная сила истории практически реализуется и через научные труды, и через художественные произведения.

С докладом «История, литература, общество» выступил вице-президент Академии наук СССР П. Федосеев. История всегда была и оставалась полемой острой идеологической борьбы, сказал он. И сегодня наши идейные противники пытаются использовать каждую дату исторического календаря, любой повод, чтобы подвергнуть сомнению жизнеспособность и завоевания социализма. Они не гнушаются при этом злостными вымыслами, грубым искажением фактов. Поэтому правдивое изложение исторических событий, марксистский анализ наших успехов и ошибок — важная идеологическая задача ученых и деятелей литературы. Как подчеркнул В. И. Ленин, энзин идет вперед противоречиями, а живые противоречия «во много раз богаче, разностороннее, содержательнее, чем ум человека первоначала кажутся». Особенно это относится к революционным периодам и, конечно, к такому сложному процессу, как перестройка и революционное обновление социалистического общества.

Самая важная задача историков и литераторов, подчеркнул ученик, — создать пра-видную историю советского общества, его духовного развития, покончить с бесплодностью в освещении исторического процесса, замалчиванием его конкретных действий, его драматических последствий. Это задача труда, но в высшей степени ответственная. Именно правдивое освещение опыта жизни и борьбы советского народа может и должно служить базой для дальнейших театральных выставок, для обновления социалистического общества, продолжения и углубления перестройки.

Всесторонний, объективный подход к освещению прошлого и настоящего, продолжил академик П. Федосеев, — это требование не только историков, но и писателей. Марксистские и гуманистические традиции прошлого, вызванные грубыми нарушениями принципов социализма, не могут заслонить исторических свидетельств, беспредметных трудовых и ратных подвигов советского народа, руководящей роли Коммунистической партии как его политического авангарда.

Взаимодействие историков и литераторов с писателями и литераторами критиками здесь особенно важно. Их общая задача состоит в том, чтобы раскрыть объективную логику истории, ее закономерности, связь исторических событий, показать преемственность идей Великого Октября, дела революции и нынешней перестройки. Вместе с тем предстоит заполнить «белые пятна», восстановить историческую справедливость.

Однако консолидация ученых и писателей, подчеркнул докладчик, — это не унификация мнений и оценок, а усиление делового взаимного общения, обединение усилий для внимательного обсуждения и определения объективных критерияев исторической правды, принципиальных подходов к освещению исторических событий и лиц, и оценке художественных произведений.

Денежников приобретением теории и практики последних лет, сказал П. Федосеев, является новое, подлинно диалектическое мышление, составляющее революционный метод и душу современной перестройки. Коренное вопрос ново-го мышления, заявил он, — это диалектическое понимание классового и общечеловеческого начала в общественном развитии. Основной недостаток трактовки этого вопроса состоял в том, что противоположности в общественной жизни рассматривались как обособленные полярности, имеющие визуальную связь и взаимодействие с общечеловеческими проблемами.

Особенно тонкий и деликатный вопрос, где ни в коей мере недопустима поляризация подходит оценок, — это область международных отношений. Здесь национальное и

международное, классовое и национальное находятся в сложном переплетении и требуют именно нового мышления. Нельзя не видеть, заметил докладчик, что запущенность и догматизм в теоретической работе и практике инициировали вспышку силы перестройки и ускорения социально-экономического и нравственного развития общества.

Подробно проанализировав проблемы, стоящие сегодня перед исторической наукой, оратор подчеркнул необходимость единства и сотрудничества литераторов и историков, межпрофессионального обмена знаниями, опытом, информацией. Страга научности и художественной образности, сказал он, наша общая устремленность к правде в таком сотрудничестве и единении станут реальным и оперативным вкладом в обновление исторического сознания народа и будут способствовать возрождению лучших традиций сотрудничества писателей и историков.

Правильное понимание соотношения классового и общечеловеческого начал в поэзии нового мышления также необходимо сегодня в теории и практике международных отношений. Ключевыми здесь, как подчеркнул оратор, являются соотношения мирного существования и классовой борьбы, в таких же национально-освободительном движении. Надо активно освобождаться от всего, что приводило нас к догматическому толкованию соотношения двух систем, надо всемерно содействовать обновлению и гуманизации международных отношений.

Затем с докладом «Основные закономерности развития и актуальные вопросы истории советского общества» выступил главный редактор журнала «Вопросы истории КПСС» член-корреспондент АН СССР В. Касьянов.

Идеология обновления и осознание необходимости перемен во всех сферах жизни, сказал он, формировались в поисках реалистических оценок состояния дел в стране и перспектив ее развития. Особое место принадлежит февральскому (1988 г.) Пленуму ЦК КПСС, на котором был выдан ряд принципиальных вопросов идеологии обновления, в том числе вопросы восстановления ленинской концепции социализма, марксистско-ленинской методологии исторических исследований, определены задачи обновления исторического сознания советского народа. Одной из них докладчик считает отсутствие общепринятой точки зрения на специфику искусства.

Серьезная наука, сказал ученик, далека от неуважительного отношения к искусству, но ведь она не очень влияет на массовое сознание, в результате чего даже профессио-нальная литература и художественная ситуация не изменяется. С этой темы начал свое выступление и писатель В. Астафьев.

Разумеется, у меня есть свое отношение и к этому историческому отрезку времени, и к этой личности. Я думаю, что не так все просто и однозначно, как это сейчас преподносится. Исследуетесь очередной громоглаской отрывок из истории литературы, чтобы свалить на эту личность все наши беды и таким образом самим выглядеть чистыми.

Я не знаю, что было страшнее, вреднее для нашей истории, для нас с вами — это были эти борцы за правду, носящий ленинское имя, я бы, согласно с долгом моей профессии и своим пониманием, определил бы его как модернизацию. Я бы сказал, что это модернизация, идущая в направлении либерализации Ленина как политического деятеля. Эта либерализация начинается со стилистик ленинского речея. Его речь в пьесе напоминает скопье разлагательства тех самых утопистов от революции, с которыми Ленин всегда спорил. Именно из того, что Ленин считал пустой фразой, словесной пустышкой, мне кажется, состоит сущность нашей нации, и мы выглядим просто непривычно. Любой отрывок, прошедший день — это уже история. И Брежнев, как бы ни хотел избавиться от него избавиться, — история. Причем, я считаю, история весьма позорна. И особенно она позорна для нас, борцов, которых удивляло в большинстве своем вести себя достойно на войне и очень недостойно — в тот период.

Я как-то был у своего приятеля друга. Тогда на гаражах Брежнева одрено Победы. Друг мой — юный десантник... потом артиллерист, очень большого мужества, честнейшей жизни, прошел после войны путь до крупного руководителя металлургии, был и секретарем райкома. Он меня спросил: «Витя, когда нас кончат уничтожать?» Я ему ответил: нас будут уничтожать до тех пор, пока мы будем это позволять делать.

Сейчас все время говорят о коллегиализации, о переговорах. Применим, только к теме конференции и в связи с нынешней ситуацией в публицистике и в литературе эта категория приобретает чрезвычайное значение. На рубеже XXI столетия наступает время подведения итогов народного социального и художественного в пропаганде. Отсутствие союза между критикой и теорией, в частности с философской теорией, оратор называл бедствием современного идеино-художественного периода.

По мнению выступавшего, особая проблема — историзм в раскрытии умов и возбуждении интереса к истории и современным перestroйкам в различных областях, включая опыт писателей, имевших место в период 30—40-х и начав 50-х годов.

ЦК КПСС продолжает энергично поддерживать смелые, новаторские выступления газет и журналов, дающие вперед науки перестройки и критикующие силы консерватизма и догматизма, антиперестройочные настроения. Применительно к теме нашей редакционной статьи «Принципы перестройки: революционность мышления и действия», опубликованной в «Правде» 5 апреля,

История стала сегодня своеобразным магнитом: племя, охватывающим замкнутые взаимо-влияниями, на процессы обновления исторической памяти народа, отметил далее докладчик. Многие вопросы, дискутируемые сейчас в печати, давно болезненны, писателям, а также читателям, они пошли на душу.

Более ложного документа, с фальсифицированным, со-страданным, просто сочиненным, наша история, в том числе и история литературы, не знала. Там же говорят, что это было написано о войне, и как солдат могут сказать — о войне и никакого отношения не имел. Я был на другой войне. А ведь создавались аншлаги такой истории.

Более ложного документа, с фальсифицированным, со-страданным, просто сочиненным, наша история, в том числе и история литературы, не знала. Там же говорят, что это было написано о войне, и как солдат могут сказать — о войне и никакого отношения не имел. Я был на другой войне. А ведь создавались аншлаги такой истории.

Более ложного документа, с фальсифицированным, со-страданным, просто сочиненным, наша история, в том числе и история литературы, не знала. Там же говорят, что это было написано о войне, и как солдат могут сказать — о войне и никакого отношения не имел. Я был на другой войне. А ведь создавались аншлаги такой истории.

Более ложного документа, с фальсифицированным, со-страданным, просто сочиненным, наша история, в том числе и история литературы, не знала. Там же говорят, что это было написано о войне, и как солдат могут сказать — о войне и никакого отношения не имел. Я был на другой войне. А ведь создавались аншлаги такой истории.

Более ложного документа, с фальсифицированным, со-страданным, просто сочиненным, наша история, в том числе и история литературы, не знала. Там же говорят, что это было написано о войне, и как солдат могут сказать — о войне и никакого отношения не имел. Я был на другой войне. А ведь создавались аншлаги такой истории.

Более ложного документа, с фальсифицированным, со-страданным, просто сочиненным, наша история, в том числе и история литературы, не знала. Там же говорят, что это было написано о войне, и как солдат могут сказать — о войне и никакого отношения не имел. Я был на другой войне. А ведь создавались аншлаги такой истории.

Более ложного документа, с фальсифицированным, со-страданным, просто сочиненным, наша история, в том числе и история литературы, не знала. Там же говорят, что это было написано о войне, и как солдат могут сказать — о войне и никакого отношения не имел. Я был на другой войне. А ведь создавались аншлаги такой истории.

Более ложного документа, с фальсифицированным, со-страданным, просто сочиненным, наша история, в том числе и история литературы, не знала. Там же говорят, что это было написано о войне, и как солдат могут сказать — о войне и никакого отношения не имел. Я был на другой войне. А ведь создавались аншлаги такой истории.

Более ложного документа, с фальсифицированным, со-страданным, просто сочиненным, наша история, в том числе и история литературы, не знала. Там же говорят, что это было написано о войне, и как солдат могут сказать — о войне и никакого отношения не имел. Я был на другой войне. А ведь создавались аншлаги такой истории.

Более ложного документа, с фальсифицированным, со-страданным, просто сочиненным, наша история, в том числе и история литературы, не знала. Там же говорят, что это было написано о войне, и как солдат могут сказать — о войне и никакого отношения не имел. Я был на другой войне. А ведь создавались аншлаги такой истории.

Более ложного документа, с фальсифицированным, со-страданным, просто сочиненным, наша история, в том числе и история литературы, не знала. Там же говорят, что это было написано о войне, и как солдат могут сказать — о войне и никакого отношения не имел. Я был на другой войне. А ведь создавались аншлаги такой истории.

Более ложного документа, с фальсифицированным, со-страданным, просто сочиненным, наша история, в том числе и история литературы, не знала. Там же говорят, что это было написано о войне, и как солдат могут сказать — о войне и никакого отношения не имел. Я был на другой войне. А ведь создавались аншлаги такой истории.

Более ложного документа, с фальсифицированным, со-страданным, просто сочиненным, наша история, в том числе и история литературы, не знала. Там же говорят, что это было написано о войне, и как солдат могут сказать — о войне и никакого отношения не имел. Я был на другой войне. А ведь создавались аншлаги такой истории.

Более ложного документа, с фальсифицированным, со-страданным, просто сочиненным, наша история, в том числе и история литературы, не знала. Там же говорят, что это было написано о войне, и как солдат могут сказать — о войне и никакого отношения не имел. Я был на другой войне. А ведь создавались аншлаги такой истории.

Более ложного документа, с фальсифицированным, со-страданным, просто сочиненным, наша история, в том числе и история литературы, не знала. Там же говорят, что это было написано о войне, и как солдат могут сказать — о войне и никакого отношения не имел. Я был на другой войне. А ведь создавались аншлаги такой истории.

Более ложного документа, с фальсифицированным, со-страданным, просто сочиненным, наша история, в том числе и история литературы, не знала. Там же говорят, что это было написано о войне, и как солдат могут сказать — о войне и никакого отношения не имел. Я был на другой войне. А ведь создавались аншлаги такой истории.

Более ложного документа, с фальсифицированным, со-страданным, просто сочиненным, наша история, в том числе и история литературы, не знала. Там же говорят, что это было написано о войне, и как солдат могут сказать — о войне и никакого отношения не имел. Я был на другой войне. А ведь создавались аншлаги такой истории.

Более ложного документа, с фальсифицированным, со-страданным, просто сочиненным, наша история, в том числе и история литературы, не знала. Там же говорят, что это было написано о войне, и как солдат могут сказать — о войне и никакого отношения не имел. Я был на другой войне. А ведь создавались аншлаги такой истории.

Более ложного документа, с фальсифицированным, со-страданным, просто сочиненным, наша история, в том числе и история литературы, не знала. Там же говорят, что это было написано о войне, и как солдат могут сказать — о войне и никакого отношения не имел. Я был на другой войне. А ведь создавались аншлаги такой истории.

Более ложного документа, с фальсифицированным, со-страданным, просто сочиненным, наша история, в том числе и история литературы, не знала. Там же говорят, что это было написано о войне, и как солдат могут сказать — о войне и никакого отношения не имел. Я был на другой войне. А ведь создавались аншлаги такой истории.

Более ложного документа, с фальсифицированным, со-страданным, просто сочиненным, наша история, в том числе и история литературы, не знала. Там же говорят, что это было написано о войне, и как солдат могут сказать — о войне и никакого отношения не имел. Я был на другой войне. А ведь создавались аншлаги такой истории.

Более ложного документа, с фальсифицированным, со-страданным, просто сочиненным, наша история, в том числе и история литературы, не знала. Там же говорят, что это было написано о войне, и как солдат могут сказать — о войне и никакого отношения не имел. Я был на другой войне. А ведь создавались аншлаги такой истории.

Более ложного документа, с фальсифицированным, со-страданным, просто сочиненным, наша история, в том числе и история литературы, не знала. Там же говорят, что это было написано о войне, и как солдат могут сказать — о войне и никакого отношения не имел. Я был на другой войне. А ведь создавались аншлаги такой истории.

Более ложного документа, с фальсифицированным, со-страданным, просто сочиненным, наша история, в том числе и история литературы, не знала. Там же говорят, что это было написано о войне, и как солдат могут сказать — о войне и никакого отношения не имел. Я был на другой войне. А ведь создавались аншлаги такой истории.

Более ложного документа, с фальсифицированным, со-страданным, просто сочиненным, наша история, в том числе и история литературы, не знала. Там же говорят, что это было написано о войне, и как солдат могут сказать — о войне и никакого отношения не имел. Я был на другой войне. А ведь создавались аншлаги такой истории.

Более ложного документа, с фальсифицированным, со-страданным, просто сочиненным, наша история, в том числе и история литературы, не знала. Там же говорят, что это было

МЫСЛЕЙ И ДЕЙСТВИЙ

(Окончание.
Начало на 46 стр.).

нервную задачу, при всем несомненном таланте получится смыть... — убежденно говорил писатель Д. Балашов.

— Нам необходимо восстановить доверие к своим трукам не только, конечно, у всего нашего народа, перед которым мы в очень большом долгу, — сказал историк О. Ржевский. — Возьмем историю нашей внешней политики. Недавно Институт всеобщей истории и Институт военной истории Министерства обороны СССР, начальником которого недавно назначен опытный и авторитетный учёный Д. Волковников, занялись подготовкой макета совместного труда историков семи социалистических стран «Причины второй мировой войны. Документы и комментарии». Мы оказались единственной страной-составителем, которая не смогла включить в эту работу хотя бы один новый документ по истории советской внешней политики.

Вопрос о месте: А что внесло вам включить документы?

— Нам их просто не давали. А что вам их не давали?

— Не давали те, у кого эти документы хранились.

Работа над докторантской «Историей Великой Отечественной войны советского народа» началась по старым, не оправдавшим себя канонам, по той директивной системе, которая ничего хорошего не принесет. Все взято под директивный контроль

ны, не может быть невиноватым.

— Народ должен знать историю, — отметил член-корреспондент АН СССР В. Кумарин.

— И покажу, в первую очередь нашу — послекомбайновскую, написанную правдиво, ярко, аргументированно и, конечно, не черным фломастером, как хотели бы некоторые «любители жареного».

Ведь правда — это понятие отнюдь не одностороннее, и увлекательное показом негативного неизменно ведет к перекосам.

Кроме горькой правды, нужен глубокий анализ, обобщение полемических уроков. А между тем сторонники однобокости и сенсаций, извинений, пруд пруди...

Нельзя судить о работах историков вне самих исторических условий. Это неизбежно порождает иллюзию, что историки могли бы написать в 30—40-х, в 70-х, в начале 80-х годов праздничные исследования, но лень мысли помешала. Простите, но то бы стал публиковать смельчаков в газете?

Общество переживает бум истории и истории. Попадаются, увы, и сомнительные мнения, написанные, видимо, в пылу борьбы за торжество правды. Например, товарищ Гончаров, одобряя публикацию редакционной статьи в газете «Правда», заявил: деятельность Сталина ничего не имеет общего с социализмом. Он увел нашу страну от социализма, уничтожил весь цвет нации.

Явное преувеличение. Нужна диалектика, а не шаржанье то в черное, то в белое.

ты, но захватывающие интересно следить за тем, как лирик, поэт видят действительность, видят такое огромное событие, как гражданская война. Есть два вида фактов: факт жизни и факт отношения писателя к этому факту. И это отношение не менее интересно для читателя.

Если мы вернемся к истокам возникновения гуманистической мысли, то обнаружим, что Древней Греции каждый писатель был историком. Кстати, и мифология — это та же история, выраженная в образах и символах. В чем причина такой близости литературы и истории? Я думаю, в том, что литература рассказывает о человеке, а история — о человечестве. Именно здесь источник нашего взаимного обогащения. Миллиарды людей — это совершение той же реальности, как отдельная личность. Но литература пока не может отразить эту реальность — человечество. Она сможет поплыть до этого, если призовет в помощь историю. Может быть, я фантазирую, но мы когда-нибудь еще вернемся к методам древних греков, постигших тайну этого единства: человека и человечества. Вернемся на новом витке развития нашей цивилизации.

— Минувшее былое, будто французская революция, Великий Октябрь или Отечественная война, уйдя в невозвратное прошлое, остается некоменным. Но могут меняться наши взгляды на эти события по мере выяснения истин, — отметил начальник Института военной истории Д. Волковников. — Сейчас, например, в эпизоде общественного внимания — личности Сталина. Но это нам так кажется. Сталин просто символизирует все то, что ученые историки, временно. В центре исторического интереса — наши судьбы, наша боль, горестное недоумение: как была допущена к жизни эта модель реальности, которую мы называем «сталинизмом». Некоторые, правда, считают, что это дефиниция национальной. Едва ли. Сталинизм — это концепция извращенной теории практики социализма, когда произошло отчуждение народа от власти и утвердились бюрократия и догматизм.

Думая, для литературы и истории важно не сбиться при выяснении природы, генезиса сталинизма, на концентрации внимания лишь на характере личных качеств «вождя». Причины глубже: они охватывают целый комплекс. Политическая причина единства: неразрывность и неформации подлинного народовластия, разрушение демократических основ, заложенных Лениным. Причина историческая коренится в «русской традиции» единоличной монарха, низкой политической культуре народа сразу после революции, отсутствии богатых демократических традиций. Были причины и международного плана: постоянная угроза нападения, которая способствовала централизации власти и усиливала роль аппарата. Даже причины гносеологического порядка существовали: неизведанность путей. Отойдя от ленинского концепции, или наоборот, что есть в нашей культуре, создавано «вопреки» обстоятельствам, а не благодаря им. История России — это история нравственного и духовного становления ее художников.

— Недопустимо изобразить последние 70 лет в истории жизни нашего народа как сплошную цель ошибок, — сказал академик Ю. Кукушкин. А также заявления мелькают чуть не каждую день на страницах нашей прессы.

В объективном отставании истории пагубную роль играет и низкий уровень работы многих издательств. Пропагандистский цикл там занимает не менее двух лет. Учебник для 9-го класса, который подвергается спорадической и несправедливой критике в печати, был создан в производстве в 1984 году. После этого он получил аллюзию в высоких инстанциях, а их чрезвычайно много. И вот результат — написанный в первом застое, он увидел свет только в 1986 году. А в первом же выпуске национальных народов СССР продолжает выходить и в 1988 году.

Нужны были и другие методики анализа, и другая модель искусства. Она была ориентирована на то, что искусство отражает жизнь своим специфическим образом, что художники способны, сохраняя свою внутреннюю свободу, создать объективную картину действительности. Именно на этих путях было создано лучше, что есть в нашей культуре, создавано «вопреки» обстоятельствам, а не благодаря им.

История России — это история нравственного и духовного становления ее художников.

Писатель С. Залыгин сказал, что нет, наверное, более близких областей деятельности, чем история и литература. Если литературное произведение серьезно, то оно уже исторично, ибо отражает время. Но это не значит, что история как наука должна доказывать свою правильность литературе. Мы уже не раз вспомнили в краине, подчиняя художественное произведение исторической концепции, и в результате не получалось ни того, ни другого. Иллюстрации заменили глубину, и я в мире своих слабостей снялся отразить ее, ибо считаю, что не погрешаю против исторической правды и документальной подлинности событий.

Я вполне солидарен с доктором юридических наук О. Темешкиным, который в статье, опубликованной в «Советской культуре», написал, что надо было привлечь к руководству Западного фронта краину меры казнозависимости. Павлов, Климовские, Клыч, Григорьевы, Коротков и другие могли бы принести много пользы, командирам корпусами, движими в две полуми.

Но виноват ли в самом деле Павлов? Темешкин называет, что нет, не виноват... К сожалению, виноват — доложки Сталину за две недели до начала войны, свидетельства о сосредоточении немецких войск вдоль наших границ являются пропажами. Я потому разваривал со многими полководцами. Все они единодушны: командующий, который заранее даже не позабылся о своем командировании артиллерии, потерявшей управление артиллерией в первый же день вой-

ны, не может быть невиноватым.

— Народ должен знать историю, — отметил член-корреспондент АН СССР В. Кумарин.

— И покажу, в первую очередь нашу — послекомбайновскую, написанную правдиво, ярко, аргументированно и, конечно, не черным фломастером, как хотели бы некоторые «любители жареного».

Ведь правда — это понятие отнюдь не одностороннее, и увлекательное показом негативного неизменно ведет к перекосам.

Кроме горькой правды, нужен глубокий анализ, обобщение полемических уроков. А между тем сторонники однобокости и сенсаций, извинений, пруд пруди...

Нельзя судить о работах историков вне самих исторических условий. Это неизбежно порождает иллюзию, что историки могли бы написать в 30—40-х, в 70-х, в начале 80-х годов праздничные исследования, но лень мысли помешала. Простите, но то бы стал публиковать смельчаков в газете?

Общество переживает бум истории и истории. Попадаются, увы, и сомнительные мнения, написанные, видимо, в пылу борьбы за торжество правды. Например, товарищ Гончаров, одобряя публикацию редакционной статьи в газете «Правда», заявил:

— деятельность Сталина ничего не имеет общего с социализмом. Он увел нашу страну от социализма, уничтожил весь цвет нации.

Явное преувеличение. Нужна диалектика, а не шаржанье то в черное, то в белое.

но определение той социальной структуры, которой оперируют сегодня и те, кто защищает «Доктора Живаго», и те, кто ругает этот роман, и те, кто считает, что роман «Мы» — это предвестник катастрофы. И это отношение не менее интересно для читателя.

Если мы вернемся к истокам возникновения гуманистической мысли, то обнаружим, что Древней Греции каждый писатель был историком. Кстати, и мифология — это та же история, выраженная в образах и символах.

В чем причина такой близости литературы и истории? Я думаю, в том, что литература рассказывает о человеке, а история — о человечестве. Именно здесь источник нашего взаимного обогащения. Миллиарды людей — это совершение той же реальности, как отдельная личность. Но литература пока не может отразить эту реальность — человечество. Она сможет поплыть до этого, если призовет в помощь историю.

Может быть, я фантазирую, но мы когда-

нибудь еще вернемся к методам древних греков, постигших тайну этого единства: человека и человечества.

Вернемся на новом витке развития нашей цивилизации.

— Мне кажется, что все

три доклада, представленные

нам для обсуждения, были

очень спорными и по сравне-

нию с историческими спорами

были гораздо более

модернистичными.

Но почему писатель ду-
мат, что все должны выра-
зить мысли его словами?

В последнее время много

спорили об исторических

драмах Шатрова. Историки

находили в них неточности.

Что же, специалисты ви-
дят в них ошибки?

Академик И. Михаилов

напомнил о совместной

встрече историков и писа-
телей.

Ваша книга проявляла

негативные тенденции,

обострила критическое

восприятие социалистиче-
ской реальности.

Однако для меня, одного

из миллионов читателей,

«Брестский мир» и «Дальше...
далше!» — это не историче-
ские романы того шекспиро-
вского накала страсти, кото-
рые я люблю.

Однако для меня, одного

из миллионов читателей,

«Брестский мир» и «Дальше...
далше!» — это не историче-
ские романы того шекспиро-
вского накала страсти, кото-
рые я люблю.

Однако для меня, одного

из миллионов читателей,

«Брестский мир» и «Дальше...
далше!» — это не историче-
ские романы того шекспиро-
вского накала страсти, кото-
рые я люблю.

Однако для меня, одного

из миллионов читателей,

«Брестский мир» и «Дальше...
далше!» — это не историче-
ские романы того шекспиро-
вского накала страсти, кото-
рые я люблю.

Однако для меня, одного

из миллионов читателей,

«Брестский мир» и «Дальше...
далше!» — это не историче-
ские романы того шекспиро-
вского накала страсти, кото-
рые я люблю.

Однако для меня, одного

из миллионов читателей,

«Брестский мир» и «Дальше...
далше!» — это не историче-
ские романы того шекспиро-
вского накала страсти, кото-
рые я люблю.

Однако для меня, одного

из миллионов читателей,

«Брестский мир» и «Дальше...
далше!» — это не историче-
ские романы того шекспиро-
вского накала страсти, кото-
рые я люблю.

Однако для меня, одного

из миллионов читателей,

«Брестский мир» и «Дальше...
далше!» — это не историче-
ские романы того шекспиро-
вского накала страсти, кото-
рые я люблю.

Однако для меня, одного

из миллионов читателей,

«Брестский мир» и «Дальше...
далше!» — это не историче-
ские романы того шекспиро-
вского накала страсти, кото-
рые я люблю.

Однако для меня, одного

из миллионов читателей,

«Брестский мир» и «Дальше...
далше!» — это не историче-
ские романы того шекспиро-
вского накала страсти, кото-
рые я люблю.

Однако для меня, одного

из миллионов читателей,

«Брестский мир» и «Дальше...
далше!» — это не историче-
ские романы того шекспиро-
вского накала страсти, кото-
рые я люблю.

Однако для меня, одного

программа передач

с 9 по 15 мая

ПОНЕДЕЛЬНИК

Праздник Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов

СЛАВА ГЕРОЯМ

— 1 пр. 11.10.

Что хранят память солдаты лица своих однополчан, друзей-партизан, бескрайние фронтовые дороги и места коротких привалов, тяжелы боя, а может быть, свой первый или последний выстрел...

Создатели передачи «Победители» решили честью первого по следам солдатской памяти. Впервые темноты связывают между собой города-герои страны, и открывается то, что многим до сего времени неизвестно. Выясняется, как после призыва югород сдаться не была сдана Тула. Почему недалеко от Минска в селе Янине находится «село вдов». Будут показаны пять ранее неизвестных имен защитников Брестской крепости.

Спустя много лет собираются вместе такие молодые в годы войны, а теперь посеревшие ветераны.

СТРОКИ ВОЕННОЙ ПРОЗЫ

— 1 пр. 22.35.

«Внезапно Сенеко вскнула рука, потряс в пучке света синими от татуировки кулачками... Евгений Конец! Конец, ребята — завопил он. Михаил, Победа! — передача «Антология короткого рассказа» посыпалась произведению Евгения Носова «Красное вино Победы»,

— 1 пр. 17.30.

● В городском саду играет духовой оркестр.

— 1 пр. 15.25.

● Исполнители главных ролей в спектакле «У войны не женских лиц» в постановке Омского драматического театра.

ВТОРНИК

Первая программа. 6.30 — 120 минут. 8.35 — Футбольные обзоры. 9.05 — «Соцшедшие с небес». Худ. фильм. 10.25 — 13.30 — Новости. 10.30 — 13.30 — Программа Читинского телевидения. 10.45 — Программа Читинского телевидения. 10.55 — За словом — дело. 17.30 — К нашим праздникам Чехословакии. Дни освобождения от фашистской оккупации. Программы ТВЧ СССР. 18.30 — Мультифильм. 18.45 — Сегодня в мире. 19.00 — Футбол. Отборочный матч Олимпийских игр. Чемпионат мира по футболу. Швеции. 21.00 — История. 6.50 извес. Искусство эпохи Возрождения. 11.05 — Время. 21.40 — Промежуточный перестройки. 21.50 — 30 лет об-

9 МАЯ

И ПРЕДЛОЖЕНИЕ, И ЗАМЕЧАНИЕ

ТЕЛЕГИД: Продолжают поступать ваши, дорогие читатели отклики на обращение к телезрителям, «Письмо моей мечты» [«СК», 10.03.1988 г.]. Иногда мы не уверены, правильно ли его поняли, но дальнейшее посыпание, что все в порядке, понимали правильно. Как в этом вот случае.

Уважаемый Телегид! Мне очень бы хотелось написать письмо вашей мечты, но о чем же мечтать, угадать трудно... Но так как вам интересно письмо любого телезрителя, решала написать.

Несколько лет назад была встреча с режиссером Ленинградского БДТ Г. А. Токстоновым, очень интересная встреча. После нее мне хотелось попросить телевидение сделать передачу примерно такого содержания: «Стихи читает Г. А. Токстонов». О том, что он их хорошо читает, говорила в передаче актриса З. Ширко, да и достаточно послушать несколько строк, которые он произносит перед спектаклем «Хамелеон».

Заканчивало письмо на民间ной ноте: спортивный комментатор Г. Саркисян, комментатор фильма-спектакля «Современник», театральный критик Е. Соловьев, худ. фильм. 18.15 — «Праздники лета». 18.25 — Концерт. 19.00 — Победы. 19.15 — Илья Касперович. 19.30 — Чемпион СССР. Матч за 1-е место. 19.45 — Победы. Выступление первого заместителя министра обороны СССР на церемонии награждения победителей Всесоюзных Сын ССР Маршала Советского Союза С. А. Ахромеева. 11.10 — Победители. Передача посвященная празднику Победы. 12.55 — Концерт. 13.15 — «Слава народу». 14.10 — Песни военных лет в исполнении Л. Гурчеса. 14.45 — Мультифильм. 15.25 — «Ходили мы по земле». 16.00 — Футбол. 16.15 — «Праздники лета». 17.40 — Программа фигурового катания, когда выступала канадская пара, сказал, что они катаются под музыку Р. Шедрина, в то время когда она каталась под музыку М. Бланза. Я знаю, есть балет «Барбен-сюита», но когда о нем упоминают, говорят Бизе — Щедрин.

Г. БЕЛЯЕВА.
РИГА.

сколько не вовлало, как много погибло... Так начинается новый телевизионный фильм, в основе которого — работа «Современник».

Вместе с Никулиным мы входим в Дом литераторов: сегодня спектакль играется здесь.

— Я хочу, — говорит актер, — прожить частью жизни многих любимых поэтов, заставить зрителей за каждую строку судить ее судьбу автора.

Сколько поэтов погибло в войне? И никто не знает, сколько же вовлало, как много погибло... Так начинается новый телевизионный фильм, в основе которого — работа «Современник».

Вместе с Никулиным мы входим в Дом литераторов: сегодня спектакль играется здесь.

— Я хочу, — говорит актер, — прожить частью жизни многих любимых поэтов, заставить зрителей за каждую строку судить ее судьбу автора.

Сколько же вовлало, как много погибло... Так начинается новый телевизионный фильм, в основе которого — работа «Современник».

Вторая программа. 8.00 — Утренняя гимнастика. 8.15 — Ритмическая гимнастика. 8.30 — Футбол. 8.45 — «Физика и наука». 9.00 — Мультифильм. 9.15 — Участники ЧПТУ. 10.00 — Участники ЧПТУ. 10.30 — История. 6.50 извес. Искусство эпохи Возрождения. 11.05 — Время. 21.40 — Промежуточный перестройки. 21.50 — 30 лет об-

ществления. 22.45 — Новости.

— 2 пр. 17.40.

Братская республика празднует день своего освобождения от фашистских захватчиков.

ЦТ радио познакомит зрителей с жителями Чехословакии, судьбы которых так или иначе связаны с СССР. Среди них — профессор К. Мартинек, в прошлом выпускник Казанского и Московского университетов, разработавший вместе с советскими медиками новый лекарственный препарат: председатель сельскохозяйственного кооператива Л. Бонулик — он первым опробовал на чешских полях советские комбайны; художник Л. Войкувка и другие.

— 1 пр. 17.30.

Братская республика празднует день своего освобождения от фашистских захватчиков.

ЦТ радио познакомит зрителей с жителями Чехословакии, судьбы которых так или иначе связаны с СССР. Среди них — профессор К. Мартинек, в прошлом выпускник Казанского и Московского университетов, разработавший вместе с советскими медиками новый лекарственный препарат: председатель сельскохозяйственного кооператива Л. Бонулик — он первым опробовал на чешских полях советские комбайны; художник Л. Войкувка и другие.

— 1 пр. 17.30.

Братская республика празднует день своего освобождения от фашистских захватчиков.

ЦТ радио познакомит зрителей с жителями Чехословакии, судьбы которых так или иначе связаны с СССР. Среди них — профессор К. Мартинек, в прошлом выпускник Казанского и Московского университетов, разработавший вместе с советскими медиками новый лекарственный препарат: председатель сельскохозяйственного кооператива Л. Бонулик — он первым опробовал на чешских полях советские комбайны; художник Л. Войкувка и другие.

— 1 пр. 17.30.

Братская республика празднует день своего освобождения от фашистских захватчиков.

ЦТ радио познакомит зрителей с жителями Чехословакии, судьбы которых так или иначе связаны с СССР. Среди них — профессор К. Мартинек, в прошлом выпускник Казанского и Московского университетов, разработавший вместе с советскими медиками новый лекарственный препарат: председатель сельскохозяйственного кооператива Л. Бонулик — он первым опробовал на чешских полях советские комбайны; художник Л. Войкувка и другие.

— 1 пр. 17.30.

Братская республика празднует день своего освобождения от фашистских захватчиков.

ЦТ радио познакомит зрителей с жителями Чехословакии, судьбы которых так или иначе связаны с СССР. Среди них — профессор К. Мартинек, в прошлом выпускник Казанского и Московского университетов, разработавший вместе с советскими медиками новый лекарственный препарат: председатель сельскохозяйственного кооператива Л. Бонулик — он первым опробовал на чешских полях советские комбайны; художник Л. Войкувка и другие.

— 1 пр. 17.30.

Братская республика празднует день своего освобождения от фашистских захватчиков.

ЦТ радио познакомит зрителей с жителями Чехословакии, судьбы которых так или иначе связаны с СССР. Среди них — профессор К. Мартинек, в прошлом выпускник Казанского и Московского университетов, разработавший вместе с советскими медиками новый лекарственный препарат: председатель сельскохозяйственного кооператива Л. Бонулик — он первым опробовал на чешских полях советские комбайны; художник Л. Войкувка и другие.

— 1 пр. 17.30.

Братская республика празднует день своего освобождения от фашистских захватчиков.

ЦТ радио познакомит зрителей с жителями Чехословакии, судьбы которых так или иначе связаны с СССР. Среди них — профессор К. Мартинек, в прошлом выпускник Казанского и Московского университетов, разработавший вместе с советскими медиками новый лекарственный препарат: председатель сельскохозяйственного кооператива Л. Бонулик — он первым опробовал на чешских полях советские комбайны; художник Л. Войкувка и другие.

— 1 пр. 17.30.

Братская республика празднует день своего освобождения от фашистских захватчиков.

ЦТ радио познакомит зрителей с жителями Чехословакии, судьбы которых так или иначе связаны с СССР. Среди них — профессор К. Мартинек, в прошлом выпускник Казанского и Московского университетов, разработавший вместе с советскими медиками новый лекарственный препарат: председатель сельскохозяйственного кооператива Л. Бонулик — он первым опробовал на чешских полях советские комбайны; художник Л. Войкувка и другие.

— 1 пр. 17.30.

Братская республика празднует день своего освобождения от фашистских захватчиков.

ЦТ радио познакомит зрителей с жителями Чехословакии, судьбы которых так или иначе связаны с СССР. Среди них — профессор К. Мартинек, в прошлом выпускник Казанского и Московского университетов, разработавший вместе с советскими медиками новый лекарственный препарат: председатель сельскохозяйственного кооператива Л. Бонулик — он первым опробовал на чешских полях советские комбайны; художник Л. Войкувка и другие.

— 1 пр. 17.30.

Братская республика празднует день своего освобождения от фашистских захватчиков.

ЦТ радио познакомит зрителей с жителями Чехословакии, судьбы которых так или иначе связаны с СССР. Среди них — профессор К. Мартинек, в прошлом выпускник Казанского и Московского университетов, разработавший вместе с советскими медиками новый лекарственный препарат: председатель сельскохозяйственного кооператива Л. Бонулик — он первым опробовал на чешских полях советские комбайны; художник Л. Войкувка и другие.

— 1 пр. 17.30.

Братская республика празднует день своего освобождения от фашистских захватчиков.

ЦТ радио познакомит зрителей с жителями Чехословакии, судьбы которых так или иначе связаны с СССР. Среди них — профессор К. Мартинек, в прошлом выпускник Казанского и Московского университетов, разработавший вместе с советскими медиками новый лекарственный препарат: председатель сельскохозяйственного кооператива Л. Бонулик — он первым опробовал на чешских полях советские комбайны; художник Л. Войкувка и другие.

— 1 пр. 17.30.

Братская республика празднует день своего освобождения от фашистских захватчиков.

ЦТ радио познакомит зрителей с жителями Чехословакии, судьбы которых так или иначе связаны с СССР. Среди них — профессор К. Мартинек, в прошлом выпускник Казанского и Московского университетов, разработавший вместе с советскими медиками новый лекарственный препарат: председатель сельскохозяйственного кооператива Л. Бонулик — он первым опробовал на чешских полях советские комбайны; художник Л. Войкувка и другие.

— 1 пр. 17.30.

Братская республика празднует день своего освобождения от фашистских захватчиков.

ЦТ радио познакомит зрителей с жителями Чехословакии, судьбы которых так или иначе связаны с СССР. Среди них — профессор К. Мартинек, в прошлом выпускник Казанского и Московского университетов, разработавший вместе с советскими медиками новый лекарственный препарат: председатель сельскохозяйственного кооператива Л. Бонулик — он первым опробовал на чешских полях советские комбайны; художник Л. Войкувка и другие.

— 1 пр. 17.30.

Братская республика празднует день своего освобождения от фашистских захватчиков.

ЦТ радио познакомит зрителей с жителями Чехословакии, судьбы которых так или иначе связаны с СССР. Среди них — профессор К. Мартинек, в прошлом выпускник Казанского и Московского университетов, разработавший вместе с советскими медиками новый лекарственный препарат: председатель сельскохозяйственного кооператива Л. Бонулик — он первым опробовал на чешских полях советские комбайны; художник Л. Войкувка и другие.

— 1 пр. 17.30.

Братская республика празднует день своего освобождения от фашистских захватчиков.

ЦТ радио познакомит зрителей с жителями Чехословакии, судьбы которых так или иначе связаны с СССР. Среди них — профессор К. Мартинек, в прошлом выпускник Казанского и Московского университетов, разработавший вместе с советскими медиками новый лекарственный препарат: председатель сельскохозяйственного кооператива Л. Бонулик — он первым опробовал на чешских полях советские комбайны; художник Л. Войкувка и другие.